

Прасковья АЛЕКСЕЕВА

О ДЖУНГАРСКОМ КНЯЗЕ ЛОУЗАНГ-ШУНУ

В конце XVII — первой половине XVIII веков в Центральной Азии разгорелась борьба за сферу влияния в этом регионе со стороны маньчжурской династии Цин. В этой борьбе цинам оказывало сопротивление Джунгарское ханство, его правитель Цэван-Рабтан (Зорикту хун-тайджи, Цаган-Арабган, Цон-Рабтан, Эрдени-Зорикту-Батур хун-тайджи, контайша).

Политическая борьба правителей отразилась и на личной судьбе джунгарских правителей, их детей, вовлеченных в борьбу за власть. В данной заметке речь пойдет о сыне Цэван-Рабтана Лоузанг-Шуну или Шоно-Лоузане. В русских источниках его называют по-разному: Шуно или Шоно Даба, Шуна-Батыр, Шуно-Лоузанг и пр. В основе имени — монгольское калмыцкое слово "шоно" ("чоно") — "волк".

Сын джунгарского хун-тайджи Цэван-Рабтана Лоузанг-Шуну доводился внуком калмыцкому хану Аюке. Его мать Сетер-Джап, дочь Аюки, в 1698 году была выдана замуж за Цэван-Рабтана. От этого брака родились Лоузанг-Шуну, еще один сын и трое дочерей.

Сводный брат Лоузанг-Шуну Галдан-Цэрен, сын от первого брака Цэван-Рабтана с хошутской княжной Кюнгю, опасаясь, что власть после отца перейдет к Лоузанг-Шуну, настроил отца против него. Поэтому Лоузанг-Шуну ничего не оставалось делать, как бежать к волжским калмыкам, родственникам матери.

В начале 20-х годов XVIII в. Лоузанг-Шуну командовал ойратскими войсками в походе джунгар в Среднюю Азию и Казаскую Орду. Несмотря на его военные заслуги, претендентом на власть был объявлен старший брат Галдан-Цэрен, и во избежание братоубийственной войны Лоузанг-Шуну отдалили на западные границы Джунгарии, хотя он был одним из почитаемых князей среди ойратов.

Князь Лоузанг-Шуну бежал из Джунгарии на Волгу. В Калмыцкой степи он появился осенью 1725 года. Волжские калмыки и русское правительство, предполагая в нем джунгарского лазутчика, отнеслись к нему с недоверием, из-за чего он даже намеревался бежать обратно в Джунгарию. Ханша Дарма-Бала приняла внука Аюки под свое покровительство. Такой же теплый прием Лоузанг-Шуну нашел и у другого внука Аюки, Дондок-Омбо, который в то время кочевал вместе с ханшей Дарма-Бала.

Дарма-Бала способствовала женитьбе Лоузанг-Шуну на дочери Дондок-Омбо Церен-Балзан.

Интересны с современной точки зрения брачные отношения между владельцами, находящимися в близких родственных связях. По калмыцкой системе родства Церен-Балзан приходилась Лоузанг-Шуну тетей по материнской линии, *наһц эгч*.

Еще до приезда Лоузанг-Шуну на Волгу, в 1723 году Цэвен-Рабтан направил послов на берега Волги с целью засватать свою дочь за сына Аюки Церен-

* Моисеев В. А. Дело Шоно-Лоузана // *Общество и государство в Китае*. 1993, с. 97.

Дондука. По другой версии сватовство начала Дарма-Бала, намереваясь женить старшего сына Церен-Дондука на дочери Цэван-Рабтана.

В 1724 году к Цэван-Рабтану прибыли послы с Волги сватать трех его дочерей за трех сыновей Аюки. Цэван-Рабтан тепло встретил послов-сватов и согласился отправить к берегам Волги трех дочерей в сопровождении 8000 войск и 100 девушек в приданое.

В 1727 году с Волги прибыли новые послы, во время пребывания которых Цэван-Рабтан скоропостижно скончался. Калмыцких послов обвинили в смерти Цэван-Рабтана. Сын его Галдан-Цэрен сурово расправился с ними, а свою мачеху Сетер-Джап вместе с дочерьми подверг казни.

Китайское правительство в своей борьбе против Джунгарии решило обратиться за помощью к России и использовать Лоузанг-Шуну против брата Галдан-Цэрена.

В 1729 году из Китая в Россию выехало посольство с целью склонить Россию к борьбе против Джунгарского ханства. В январе 1732 года китайские послы были допущены в Москву. В ходе переговоров китайцы добились разрешения для поездки к волжским калмыкам 4-х членов миссии.

В июне 1731 года китайские послы были приняты ханом Церен-Дондук в присутствии старой ханши Дарма-Балы, ламы Шакур и представителя русской администрации подполковника В. П. Беклемищева. Китайским послам не удалось склонить калмыков в союзники в борьбе с Джунгарией. Наряду с переговорами с калмыками китайцы вели также переговоры с Лоузанг-Шуну. Они хотели вернуть его под покровительство богдыхана и склонить на борьбу с Галдан-Цэреном. Послы в Калмыкии цели не добились и выехали в Тобольск, где их ждали остальные члены посольства.

В 1732 году под видом поздравления императрицы Анны Иоановны было снаряжено новое китайское посольство в Россию с той же целью — склонить беглого брата джунгарского правителя Галдан-Цэрена Лоузанг-Шуну на борьбу против джунгарцев. Эта миссия тоже не добилась результатов.

В "Дипломатическом собрании дел..." (Казань, 1882, с. 187) о новом посольстве к калмыкам говорится: "...главнейшая причина сего посольства была — вооружить калмыков против зенгорцев (т. е. джунгарцев) и убедить живущего в Калмыцких улусах брата контайшина... перейти в подданство китайского императора..."

Лоузанг-Шуну в 1732 году умер. Сенат об этом уведомил цинское правительство. Таким образом, китайцам не удалось вовлечь волжских калмыков в борьбу с Джунгарией и использовать Лоузанг-Шуну против его брата Галдан-Цэрена, правителя Джунгарии.

Имя Лоузанг-Шуну было популярно среди джунгарцев, народов, сопредельных с калмыцкими кочевьями. Предводитель башкирского восстания 1740 г. Карасакал, после подавления восстания, бежал в Казахские степи и выдавал себя за Шоно-Лоузанга, сына джунгарского владетеля Цэван-Рабтана.

Карасакал в письме генерал-лейтенанту Л. Я. Соймонову, отказавшись явиться в Оренбург в распоряжение властей, объявил себя владельцем джунгарских калмыков Суной, сыном хун-тайджи. В конце письма имеются такие строки: "...А что вы требуете меня, называя башкирцом и каракалпаком, то я суций владелец Суну, контайшин сын..., то прошу писать, называя Суною". — // Материалы к истории Башкирской АССР. -М. -Л., 1936, ч. I, с. 478. Пер. с тат.

В других материалах о Карасакале говорится: "...в Киргиз-Кайсацкой орде называется Суна батыр хан, контайшин сын, и имеется брат его Картан-Сирен (т. е. Галдан-Цэрен) в той Калмыцкой орде ханом...". — // Там же, с. 489.

¹Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983, с. 236.

О пребывании Лоузанг-Шуну на Волге в "Этюдах" Н. Н. Пальмова имеется очерк "Джунгарский Лоузанг-Шуну в Калмыцкой степи. 1725—1732 гг." В примечании к статье Н. Н. Пальмов приводит песню о Лоузанг-Шуну, текст которой с русским переводом прислал ему в 1927 году студент Ленинградского института живых восточных языков Дорджи Онкоров. В переводе песни на русский язык ему помогли Бадма Гаряевич Майоров и Лиджи Нормевич Нормев.

ПЕСНЯ О ЛУУЗНГ-ШУНУ

Цастин цаһан уулд
Цаһахн арслң наадна;
Цагни болсн Луузнг Шана
Заята наһцнран темцнөл.

Бууһин сумн борта билә,
Бууһад күләм зүрктә билә;

Буйн күцсн Луузн-Шана
Заята наһцнран темцв.

Зааһин зандн бишмүдтә билә,
Заһалма шүүрм борта билә;

Заянь болсн Луузн-Шана
Заята наһцнран темцв.

На белоснежной горе
Белый лев играет;
Луузн-Шана, обреченный на печаль,
Направился к своим наһцанар.

Серый конь у него, как пуля,
Сердце непоколебимое: готов сойти с
коня и ждать противника;

Луузнг Шана, воплощение добра,
Направился к своим наһцанар.

Бешмета окраска, что цвет зандана,
Конь такой быстрый, что догонит сокола;

Луузн-Шана, судьбой решенный,
Направился к своим наһцанар.

В рукописном собрании калмыцкого фольклора Н. Очирова, собранном среди приволжских калмыков в 1908-1909 гг., имеется следующий текст песни (зап. № 33):

ЛУУЗН ШАРА

Цадин цаһан уулда
Цаһахн арслңгарн нааддав.
Цагнь болсн Луузн Шара
Заятахн наһцнран темцлөв.
Заарта зандн бишмүдтә билөв,
Заһалма һанцхн борта билөв.

Заяни һанцхн Луузн Шара
Заятахн наһцнран темцлөв.

Бууһин сумн борта билөв,
Бууһад күләмә зүрктә билөв.
Буйн һанц Луузн Шара

С небольшими разночтениями текста эта песня включена в сборник песен "Дуулыч, тегм, дуулыч" (Элиста, 1958, с. 231) под названием "Цастин цаһан уул".

В сборнике "Төрски һазрин дуд" (Сост. Б. Оконов) приведены всего два куплета песни о Шуна баатр, несколько отличающиеся от предыдущих текстов:

Нарн һөвин* зерд
Нааран хөләһөд цөрвнө.
Насни баһа Луузн Шуна
Наһцнран темцэд хатрна.

Бууһин сумн күлгтә билә,
Бууһад күләм зөргтә билә.
Болшго хөвтә Луузн Шуна
Болзгатаһар наһцнран темцнө.

* Нарын һөвь — нарын гоби (рус. звучание), название пустынной местности.

Во всех вариантах песен варьируется мотив одинокого, смелого Лоузан Шуну, направляющегося к родственникам матери. Только в варианте записи Н. Очирова повествуется событие от первого лица, Лоузанг-Шуну.

В примечании Н. Н. Пальмова к тексту песен отмечено, что Д. Онкорс сообщил о бытовавшей у калмыков легенде о черкесском происхождении Лоузанг-Шуну. Сам факт бегства Лоузанг-Шуну из Джунгарии на Волгу подтверждается историческими событиями. Отмечая само бегство Лоузанг-Шуну на Волгу, особенно теплый прием его у Дондук-Омбо и покровительство Дарма Балы, Н. Н. Пальмов предполагает, что матерью дочери Аюки Сетер-Джап была его жена Абухана (или Обохана), кабардинка, сестра кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского. В подтверждение этого Н. Н. Пальмов отмечает, что наиболее теплый прием Лоузанг-Шуну встречает у нахцана родственников матери, в семье Дондук-Омбо, у которого жена Джан тоже была кабардинка. К 1712-1715 гг. жена Аюки Абухана, после смерти одного из сыновей, еще при жизни Аюки отпросилась к сородичам по религии и поселилась в Астрахани.

По калмыцкому обычаю, не разрешались браки на племяннице по матери "зе күүкн", а на тете, "наһц эхч", можно было жениться. По этому поводу калмыков есть поговорка: "Зе күүкөн авхла — зел тасрдг, наһц эхчэн авхла насни туршар жирһдг" ("У женатого на племяннице — род пресекается, женатого на тете — жизнь благоприятствует").

Также, по калмыцкому обычаю, "зе", племянник или внук по женской линии материнской, в трудный момент жизни всегда мог найти приют у нахцана родственников по матери, имел право на некоторую долю имущества (обычай "бэрх"). Если по каким-либо причинам эту долю не выделяли, то зе мог силой отогнать часть скота, "зееһин хөв".

По калмыцкому исчислению родственных отношений, дочь Аюки Сетер-Джап и дочь Дондук-Омбо Церен-Валзан считались выходцами из одного родственного дома и считались между собой "эгч-ду" ("сестры"). Лоузанг-Шуну женился на сестре матери (двоюродной или троюродной), своей тете, "наһц эхч" что у калмыков разрешалось.

Мотив брачного запрета "зе—наһцх", "наһцх—зе" встречается и в других калмыцких песнях, например, песне "Муктин":

...Нәр-наад һарһад шуугдг Этвин Сарн,
Наһц-зе хойран яһад эс медвч?..

Таковы некоторые исторические факты, мифы и домыслы о герое калмыцкой песни "Луузанг-Шуну".

*Браки между калмыцкими и кабардинскими владельцами заключались и женитьбы Дондук-Омбо на Джане. Аюка и его отец Пунцук (Мончак) были женою на сестре князя К. М. Черкасского. Сам М. К. Черкасский был женат на сестре Ак-дочери Мончака, Делгер.